

Примечания:

Фаньжун – благоденствие.

- Паровую булочку? – торговец подзывает к прилавку, и я приближаюсь, действительно захотев маньтоу. – Угощайтесь, молодая госпожа.

Мужчина присматривается к белым с золотом одеяниям заклинателя и переходит на шёпот:

- Так вы с горы Нинцзин? Вы пришли из-за сына семьи Чжэн?

Хоть речь и тиха, я улавливаю неодобрение в последнем вопросе, словно господин чем-то обижен. Я прячу недоеденную булочку и мягко уточняю:

- Я слышала и о других пропавших. Вы что-то о них знаете?

- Как же не знать! – всплёскивает руками торговец. Внешне он не похож на молодого мужчину, но он мог бы иметь ребёнка подходящего возраста... - Мой сын пропал в начале лета, но всполошились все, только когда богачи потеряли своего мальчишку!

Ох, я угадала.

- Тише! – осекает господина его сосед, торгующий засахаренными ягодами. – Не кличь беду!

- Беда уже случилась! – стонет мужчина беспомощно.

Другие торговцы качают головами:

- Совсем от горя спятил!

Я показываю ладонь, прося их успокоиться. Ян Гуйцзу действительно рассказал в первую очередь о пропавшем мальчишке Чжэне. Его семья выловила на рынке младшего ученика, отправившегося продать яблоки из нашего сада, и рассказала о своей беде. Юноша тут же побежал на гору, не рискуя браться за дело в одиночку в своём возрасте. Умный мальчик.

- Значит, пропажи начались ещё в начале лета?

- Ещё весной! – вмешивается в разговор проходящая мимо женщина.

- Да твой малец просто напился и сбежал! – отгоняют её торговцы. – Всегда был безответственным пьяницей!

- Неправда! – мать грозит мужчинам кулаком, и я осторожно придерживаю несчастную женщину. Она так стара, что ей впору нянчить внуков. Неужели горе так сломило её? – Он был хорошим мальчиком!

Соседи торговца паровыми булочками выражают сомнения в её женском уме, однако я стараюсь успокоить всех, чувствуя, как школьные неприятности настигают меня и внизу: здесь тоже никто не слушает.

- Я вам верю, - обращаюсь к женщине. Перевожу взгляд с неё на мужчину с маньтоу и обратно.
- Прошу, расскажите, как пропали ваши дети.

- Вам бы дедушку Чжэна спросить, - советует мне торговец, ранее прервавший потерявшего

сына мужчину.

Со слов адепта моего дворца, переданных шисюном Яном, паренёк Чжэн пропал вечером, где-то в городе. За его пропажей мог стоять как голодный дух, так и какой-нибудь ночной гуляка, зашедший слишком далеко в своих развлечениях или разборках. Земля слухами полнится, так что семья Чжэн сразу испугалась, что их мальчик мог стать жертвой, как другие жители городка. Но обстоятельства их исчезновений я не знала.

- Конечно, - требуется оставаться вежливой. - Но сначала я выслушаю госпожу и господина.

- Как знаете!

Уж явно больше вашего.

Так к вечеру удаётся выяснить, что беды сыплются на Фаньжун несколько месяцев, копясь, как листья, что опадают по осени. Не доставляя беспокойства поначалу, к концу сезона листва, не смахнутая с дорог, забивается под ноги, люди спотыкаются, падают, обдирают носы, локти, колени... Тогда-то и приходит понимание, что причину всех бед надо убирать.

Насвистывая незамысловатую колыбельную и тем самым привлекая голодного духа, что мог затаиться на этой земле, я неспешно иду к лесному озеру близ городка, рассуждая на ходу.

Первым исчез сын госпожи с рынка. Будучи кормилицей семьи Чжэн, госпожа сумела отдать своего ребёнка в ученики лекаря из их дома. Юноша был прилежен, однако в середине весны просто испарился! Злые языки молвят, что причина в его никудышности, что судьбой не написано лечить, что выпивка погубила, что в последний раз видели с кувшином в руке да в винной лавке, что он просто не смог показаться на глаза в своём виде. Но если всё так, почему он даже записки не оставил? Почему не взял хоть какие-то вещи? Почему его учитель промолчал, ни ругая, ни хваля, пребывая в горе?

Под ступнями хрустит ветка, ночной ветер подпевает моей мелодии, но веяния тёмной энергии не чувствуются. Озеро показывается из-за ветвей, и я ускоряю шаг, не прекращая крутить в голове, что узнала.

Вторым был один из слуг семьи Чжэн, что раскрылось, когда я заглянула в их дом. Порядочный и исполнительный, он будто оказался утащен из постели посреди ночи: разворошённое бельё, никаких прощальных посланий.

Третьим стал сын торговца маньтоу. Юноша вышел торговать в одиночку, когда отца свалила болезнь. Здоровьем мужчина крепок, уже к вечеру встал, решил проверить паренька и обнаружил лишь пустой прилавок, не сваленный, с не остывшими ещё булочками. Сына нигде не было!

На берегу светло из-за лунного света. Сюда меня привели местные рыбаки, обмолвившись, что один их друг утонул здесь, хотя прекрасно плавал. Как и прочие, он был достаточно молод.

Я в задумчивости цепляю носком камешек и наблюдаю, как тот летит к воде.

Последний - сын семьи Чжэн... Трое из пяти мужчин как-то связаны с семьёй Чжэн. Неясно, объединяет ли с ними что-то рыбака и торговца. Однако странно то, что все пропали в разных местах города, кто-то вообще на озере. Один дух, шныряющий по обширной территории, сомнителен: либо он очень силён, либо духов несколько.

Напрягшись, я кладу руку на меч на поясе и стискиваю рукоять: плеска упавшего в озеро камня я так и не услышала.

Засвистев громче, призывнее, я поднимаю брошенные на берегу ветки и швыряю их в воду одну за другой. Не дожидаясь, когда они упадут, подхожу к озеру, остановившись у кромки, и всматриваюсь, не беспокоится ли его гладь. Дашисюн Шэнь сказал бы, что я действую грубо, ведь в этот миг нарушаю все запреты, созданные, чтобы обезопасить от озлобившихся призраков: свищу, мчусь на подозрительный звук, иными словами, делаю из себя пылающую приманку. Не то чтобы он сам бы не действовал так же, всего-навсего крайне заботливо относился к младшим собратьям. И, наверное, не рисковал бы, не имея прикрытия.

Так и не дождавшись, когда предположительно затаившийся в воде дух явит себя, я придерживаю подол - и захожу в озеро по колено, провоцируя на атаку откровеннее некуда! Неумно, ведь на берегу я сражалась бы гораздо лучше, зато быстро!

Кулак вбивается вниз и поднимает столп брызг - дашисюн Шэнь должен был возглавить школу Нинцзин, а не я! Дашисюн Шэнь, а ещё раньше него - шисюн Ян! Однако мой учитель предал шисюна Яна, тот погубил дашисюна Шэня - и вот я старшая ученица без году неделя, вот я глава главного дворца, вот я должна быть справедливой, разгребать всё, другими сваленное, и не злиться! Не злиться!!! Не злиться!!!

Вместо колыбельной я теперь издаю что-то чрезмерно агрессивное, злое! Земля уходит из-под ног, и меня тащит дальше, на глубину, чтобы потопить и напитаться моей затаённой злобой. Затаившийся в озере дух, наконец, отзывается, считая себя достаточно могучим, чтобы подавить меня, пока мои глаза горят, наверняка заалевшие виною ударившей крови.

Я складываю пальцы в печать и устремляю меч в воду, чтобы духовной энергией столкнуться с тёмной, чтобы у меня было время отплыть назад к берегу. Барахтаясь, я отплёвываюсь от воды, что забивается в рот, ноздри и уши. Контролировать себя и клинок сложно, нужно убедить себя, что гнев - путь адептов школы Сюэсэ Хоянь, не адепта со священной горы.

Но у меня не получается, и я разъяряюсь лишь сильнее, мне грозит стать утопленницей, когда...

- Хах!

Когда шум воды и усилившегося ветра перекрывает смех, и передо мной появляется рука мальчика в бамбуковой шляпе.

- Ты!..

Нет, здесь никого нет! На Нинцзин бы почувствовали заблудшего духа, но раз его никто, даже учитель, не видел и не слышал, то значит, что он лишь видится мне в очередной раз, не более!

- Я! - передразнивает отнюдь не детский голос.

Хватка на запястье вполне реальная, для ребёнка слишком крепкая. Меня лёгким движением вытягивают из воды, подбрасывают в воздух, и, пока не приземляюсь на ноги, я успеваю рассмотреть улыбающегося парня, облачённого в чёрное одеяние заклинателя. Рукава его, чтобы не мешались, перевязаны красными лентами.

Вместе эти цвета носят адепты лишь одной школы.

- Отпусти! – прошу я, не трата время на разговоры. Взметнув руку вверх, я ловлю призванный клинок, выскочивший из воды, и, порезав руку, кровью рисую удерживающий барьер на песке.

- Не поможет, - хмыкает за спиной тот, кого я ошибочно приняла за свою иллюзию. – Он удрал, едва я появилась.

Напрашивается логичный вопрос:

- И зачем же ты тогда появился?

- Судя по твоему взгляду, затем, чтобы ты меня убила! – и хоть восклицает он так, на лице юноши ни следа страха.

Я поджимаю губы – мне прельщает идея, если не убить, то хотя бы поколотить незваного заклинателя. Он спугнул нежить, которую я столь старательно привлекала!

- Где мне прикажешь его сейчас искать? – складываю руки на груди, глубоко вздохнув.

- Мне казалось, ты тонула, - недоумевает тот, кого не звали.

- Всё было в порядке!

Пусть не было, ему не следовало лезть в мою охоту на неведомую тварь! Удовлетворяет лишь то, что понятно, что именно она потопила рыбака и что она вполне может оказаться тем же, кто охотится за другими, раз столь резво сбежала из озера.

- Разве светлой заклинательнице не положено поблагодарить? – поддевает меня юноша.

Он не глава какой-нибудь школы или дворца, не мой старший собрат, так что я в долгу не остаюсь:

- Разве тёмному заклинателю не положено было пройти мимо?

Он изумляется, будто по его одежке неочевидно, что он из школы Сюэсэ Хоянь. Школы тёмных заклинателей, которая в последнее время выбралась из своей берлоги и заинтересовалась созданием доброй репутации, что и обеспокоило прочих глав дворцов на последнем собрании.

- Ох, какая злая! – картинно ужасается юноша. – Вас таким речам на отдельных уроках учат?

Я вскидываю бровь:

- Наставники в вашей школе не учат вас отвечать на вопросы? Упущение с их стороны.

Передёрнув плечами, я вытираю раненую ладонь о рукав, и тот пачкается в крови, вдобавок к тому, что и так висит мокрой тряпкой. Брезгливо сморщив нос, я возвращаю своё внимание адепту враждебного учения и уже готовлю едкий ответ на заслуженный упрёк, касающийся моего отвратительного отношения к вещам и приличиям, но заклинатель удивляет меня:

- Тебе бы одежду снять да высушить.

У меня распахивается рот, но ничего, кроме полуоха-полувздоха из него не вылетает. Он! Предлагает! Мне! Снять! Вещи! При нём, что ли?!

- О чём ты подумала? – юноша склоняется ко мне, так близко, что кожу на щеках обдаёт

воздух, которым он дышит! – Ты всегда заливаешься краской, когда тебе дают дружеские советы? Это так интересно! Ты покраснеешь больше, если я посоветую тебе не сражаться с тёмными сущностями на их территории в одиночку? Или если покажу, где в твоём барьере была неточность?

Кончики наших носов почти соприкасаются, и я отскакиваю назад, как вспугнутая выходкой кого-нибудь из младших учеников.

- Это ты о чём подумал?! – я отворачиваю лицо и устремляюсь в лес, чтобы вернуться в город. – У меня нет желания с тобой возиться!

Зато есть желание переодеться в сухое! А ещё срочно остудить голову!

Я фактически бегу, но юноша нагоняет меня, перегоняет и, сцепив пальцы на затылке, бежит спиной вперёд:

- Зачем тебе возиться со мной, если я могу повозиться с тобой? Тебе же помощь нужна?

- Не нужна!

- Как не нужна? – надо признать его таланты, движение даётся ему без труда, хоть он и не смотрит, куда мчится. – Ты потеряла из-за меня того духа – значит, теперь я должен его тебе найти.

- Сама справлюсь!

- Ну и чего ты отказываешься? Сама же возмущалась, где тебе его теперь искать!

Он неожиданно останавливается, и я врезаюсь ему в грудь.

- Ну вот, остановилась.

«Это уже!..» - гневная мысль не успевает сформироваться, и я, не церемонясь, наступаю юноше на ногу и духовной энергией толкаю его так, что он теряет равновесие и летит вниз. Не рассчитываю только на то, что он и меня зацепит, и я полечу следом!

- Ай!

Со вскриком я приземляюсь на чужие кости, скрытые под кожей и одеяниями, и оказываюсь зажатой между твёрдых мужских ног. Положение постыдное и недостойное в высшем своём возможном проявлении!

- Дай мне слезть! – вожусь в молниеносно окольцевавших меня руках.

Я буду опозорена и высмеяна, если кто узнает! Ян Гуйцзу же не упустит случая помолоть языком! Что хуже, так это то, что я сама это не забуду и больше не сумею без покраснения взглянуть на собственное отражение!

Мне надавливают на спину, из-за чего тело едва ли не сплющивает о юношу:

- На твоём месте, – раздаётся хрипло и с ухмылкой, – я бы не шевелился.

Сердце заклинателя под моим ухом бьётся оглушающе. Приличия в моём сознании растворяются в потоке всплывающих картинок весеннего дворца, которые я не должна была

видеть, но смотрела с соучениками в бытность ученицей. Такие неприличные книжонки, случалось, доставались нам от гостей, часто пребывающих в главном дворце. И там было... всякое...

- Ты дышишь тяжелее меня, - тёмный заклинатель дует мне на макушку.

Непорочность не является основой учения Нинцзин, однако сейчас мне хочется, чтобы являлась! Хотя тогда я потеряю поддержку шишу Бая, следующего по пути самосовершенствования вместе с супругой и ради неё готового...

- Я мягонький? - юноша подо мной цепляет прядь моих волос, прижимая к себе одной рукой.

- Жёсткий, как куча камней! - огрызаюсь я.

Его довольное мычание отрезвляет - да он же издевается надо мной, а я позволяю подобное из-за смущения! Преодолевая внутреннее ощущение непотребства, я ёрзаю, выползаю из-под его руки и, вскочив, проверяю, что одежда не сползла и всё закрывает.

Юноша остаётся лежать посреди тропы, словно получил уже всё, что хотел. Я порываюсь уйти, но, глянув на наглеца, замираю. Ярость диктует мне: необходимо требовать с вмешавшегося в мои дела юнца что-то за то, что заставил повалиться с ним в грязи. По его вине, я горю из-за собственного вынужденного бесстыдного поведения!

Меня внезапно озаряет!

Носком сапожка касаюсь бедра наглеца:

- Что ж, ты хотел помочь? Вставай и помогай! Будем ловить сбежавшего духа на тебя!

- Так бы сразу! - юноша прыжком оказывается на ногах.

<http://tl.rulate.ru/book/91799/2957096>